

страшную и великую дань трагизму жизни непонятого величія и общепринятому заблужденію времени относительно честности дуэли, не отринутой (къ глубокому прискорбію) въ извѣстномъ кругѣ доселѣ.

Трогательно печальный конецъ своей жизни А. С. Пушкинъ загладилъ глубоко-христіанскимъ настроеніемъ всепрощенія и самымъ искреннимъ желаніемъ умереть добрымъ христіаниномъ, что и составляетъ незыблемую основу нашей увѣренной молитвы о спасеніи великаго поэта, которому міръ восклицаетъ вѣчную славу, а мы велегласно взываемъ: да будетъ ему вѣчная память. Аминь“.

На кадетскомъ плацу былъ поставленъ павильонъ для совершенія панихиды, которая, вслѣдствіе непогоды, была отслужена въ Соборѣ. По окончаніи ея всѣ отправились въ домъ дворянства и тамъ въ залѣ, декорированномъ гирляндами зелени, бантами, знаменами (работа учащихся) предъ бюстомъ покойнаго поэта, стоявшемъ на эстрадѣ и богато декорированномъ зеленью, состоялся торжественный актъ, посвященный памяти А. С. Пушкина. На актѣ семъ были произнесены рѣчи: Г. начальникомъ губ. А. Н. Трубниковымъ, губ. предвод. дворянства М. А. Стаховичемъ, г. Директорами среднихъ свѣтскихъ Орловскихъ учебныхъ заведеній и друг., и въ заключеніе раздалось снова слово нашего Архiepаcтpя.

Р Ъ Ч Ъ,

сказанная Преосвященнымъ Никаноромъ на Пушкинскомъ торжествѣ въ Орловскомъ Дворянскомъ Собраніи 26 мая 1899 года.

Много великихъ, глубокихъ и высокихъ мыслей и чувствъ было высказано о незабвенномъ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ и его поэзіи.

ь и внемли,
и“.
нѣ говорить:
ль
его мыслямъ (записан-
ое чувство челоѣка, но
идка“ „Религія должна
на сего въ томъ, что
бви, словомъ—Бога“.
итературу и все, что
і древности, все нахо-
эзнаго чувства, прису-
красоты, вмѣстѣ съ
выступало въ А. С.
послѣдніе годы его
вѣщія слова влагаеть
(Кочубея):
омъ,
креста,
итель
гло
С. Пушкинъ отдалъ

На другой день послѣ его смерти въ „Русскомъ Инвалидѣ“ писалось: „Солнце нашей поэзіи закатилось. Пушкинъ наша радость, наша народная слава“ (1837 г. 29 января).

„Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній“, сказалъ Лермонтовъ. „Потеря невозвратная и ничѣмъ не вознаградимая. Россія лишилась своего любимаго, народнаго поэта“, писалъ Жуковский. „Пушкинъ принадлежитъ не однимъ ближнимъ и друзьямъ, но и отечеству, и исторіи“, сказалъ кн. Вяземскій. А нашъ церковный ораторъ, (Архіеп. Никаноръ Одесскій) изрекъ: „величайшій нашъ поэтъ былъ любимый сынъ Отца Небеснаго, былъ въ жизни сынъ заблудившійся, а въ тяжкой смерти сынъ кающійся, примиренный со Христомъ и Церковью“. Но говорятъ, что на торжествѣ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ (1880 г.) самую выдающуюся была рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго, который раскрылъ такъ сказать самую сущность духовнаго содержанія поэзіи Пушкина. Незадолго до своей смерти самъ Пушкинъ писалъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ нашъ жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Свобода и милость—это наилучшія дѣла христіанской любви. Такимъ образомъ, любовь—вотъ высшій принципъ поэзіи Пушкина.

Выясняя этотъ принципъ поэзіи Пушкина, Достоевскій говорилъ: „Въ Алеко Пушкинъ отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго страдальца, который исторически-необходимо явился въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ... Русскому скитальцу необходимо именно всемірное счастье, конечно пока только

въ теоріи... ибо оказывается, что при первомъ же столкновении, несчастный мечтатель, не только для міровой гармоніи, но даже и для цыганъ не пригодился и они выгоняють его, простодушно говоря: „Оставь насъ гордый человекъ“... Смирись же гордый человекъ и прежде всего сломи свою гордость... Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ... Овладей собой и узришь правду... Не въ вещахъ правда, не внѣ тебя, не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоёмъ собственномъ трудѣ надъ собою... Побѣдишь себя, умиришь себя и станешь свободенъ, какъ никогда и невоображалъ себѣ, и другихъ сдѣлаешь свободными, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя и поймешь народъ свой и святую правду его. Не у цыганъ міровая гармонія“... Повсюду у Пушкина слышится вѣра въ русскую духовную мощь, а коль вѣра, стало быть и надежда, великая надежда за русскаго человекъ... „Не было бы Пушкина, не опредѣлилась бы, можетъ быть, съ такою непоколебимою силою вѣра въ русскую самостоятельность, вѣра въ грядущее самостоятельное назначеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ“... „Не было поэта съ такою отзывчивостію, какъ Пушкинъ, потому что ни въ какомъ поэтѣ дѣлаго міра не встрѣчалось такого перевоплощенія своего духа въ духъ чужихъ народовъ... Тутъ-то и выразилась народность его поэзіи, народность нашего будущаго. Ибо, что такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея ко всемірности и всечеловѣчности. Будущіе русскіе люди поймутъ, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всеобъединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовію“.

смерти въ „Русскомъ
шей поэзіи закатилось
ародная слава“ (1837г.
внѣшній геній“, сказал
ая и ничѣмъ не воз-
рого любимаго, народ-
„Пушкинъ принадле-
зьямъ, но и отечеству,
ий. А нашъ церковный
скій) изрекъ: „вели-
лй сынъ Отца Небе-
удившійся, а въ тяж-
ренный со Христомъ и
кествъ открытія памят-
мою выдающеюся была
накрылъ такъ сказать
канія поэзіи Пушкина.
Пушкинъ писалъ:

я народу,
пробуждалъ,
возславилъ я свободу
иваль.
учшія дѣла христіан-
обовъ—вотъ высшій
и Пушкина, Достоев-
нѣ отыскалъ и ге-
скитальца въ род-
традальца, который
оторванномъ отъ
у скитальцу необхо-
нечно пока только

Не то же ли самое дѣлаетъ теперь нашъ возлюбленный Монархъ, призывающій всѣ народы къ любви въ мирѣ. Не есть ли посему Онъ живой выразитель жизни души народа? И не Ему теперь воспѣть славу. Да будетъ слава и всѣмъ наилучшимъ сынамъ Россіи, какимъ былъ нашъ знаменитѣйшій поэтъ!.

Непосредственно за сею рѣчью Архипастыря хоромъ пѣвшихъ исполненъ былъ народный гимнъ, и актъ окончился.

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.

Къ столѣтію со дня его рожденія.

(1799—26 мая—1899).

О, Пушкинъ, Пушкинъ! узнаю
Я музу дивную твою.

Свѣтлѣетъ ярко предо мною
Ея привѣтный, чудный ликъ,
И съ сладостной всегда мечтою
Предъ нимъ склоняться я привыкъ.

Отъ дѣтскихъ лѣтъ моихъ знакома
Ужъ мнѣ поэзія твоя,
И къ ней всегда была влекома
Душа отзывная моя.

Но ты, поэтъ нашъ несравненный,
Съ тѣхъ поръ еще мнѣ ближе сталъ,
Когда твой образъ вдохновенный
Къ себѣ въ Москвѣ всѣхъ приковалъ,